

КАЖЕТСЯ, все просто. Газета критикует, газете отвечают, газета публикует ответ. В случае спора — суд.

Однако критикуемые часто избирают для ответа другой адрес — ЦК КПСС. Это уже иной жанр, давний, он всегда был в ходу — жалоба.

Жанр — ничтожный, но результат в былые времена давал неотразимый, сокрушительный, иногда — убийственный в прямом смысле, особенно если удавалось донести Первому лицу.

Народной артистке СССР Т. Дорониной это удалось. Но она опоздала. Как минимум лет на десять. Я уже не говорю — пятьдесят, в ту пору ее посылку цензура не брала, голубы бы полетели...

ОЧЕРК назывался «Последняя», опубликован был в «Известиях» № 277 за 1990 год. Речь шла о смерти народной артистки СССР Анастасии Павловны Георгиевской. Воспитанница Станиславского и Немировича-Данченко, она в МХАТе на Тверском оставалась последней из славной плеяды легендарных мхатовских стариков.

Умерла, а можно сказать, и погибла. Два с небольшим года назад с ней случился инфаркт — во время спектакля. Переболела, вернулась на сцену. В январе нынешнего года, опять во время спектакля, актрисе стало плохо. В антракте ее увезла «скорая». Три месяца тяжелой болезни — опухоль головного мозга. И все-таки снова, в конце весны, Георгиевская второй раз возвращается на сцену.

На недавний сбор труппы 5 сентября Анастасия Павловна не пришла. Никто не обеспокоился. 7-го спектакль — «На всякого мудреца довольно простоты», на утреннюю репетицию актриса вновь не пришла, и снова никто не встревожился: фамилию из программы вычеркнули, заменили на дублера. 13 сентября новый спектакль — «Прощание с Матёрой». Тут второго состава нет, Георгиевскую заменить нечем, поэтому к ней явился домой.

Анастасия Павловна лежала в комнате между кроватью и тумбочкой. Эксперты установили, что смерть наступила от острой сердечной недостаточности.

Когда скончалась? Сколько дней пролежала в соседстве с обезумевшей от голода и смрада собакой — десять дней, больше? С точностью установить трудно.

Воспитанница детдома — родилась беспризорницей и умерла беспризорницей.

В очерке вспоминался старый, добрый, единый МХАТ, рассказывалось о нравах нынешних, о том, как папи мы, какими стали — все вместе и каждый в отдельности.

А может быть, эта чудовищная человеческая драма — все-таки случайность? Но и тогда нечаянная трагедия близкого все равно в укор совестиловому человеку, он все равно возьмет на себя часть вины, пусть невольной или косвенной. Как же тяжело должно быть сотворившим Анастасии Павловны, особенно молодым актерам, этой гибели должно хватить им, чтобы до конца жизни сохранить душу.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ. Из письма актрисы МХАТа им. Горького Л. Стриженовой в редакцию газеты «Известия»:

«Я надеялась, что публикация в «Известиях» отозвется больно в сердцах работников МХАТа, заставит их по-человечески посмотреть на ту атмосферу, которая сложилась в стенах театра, в котором я работаю уже 27 лет.

Моим надеждам не суждено было сбыться. После публикации в театре прошло собрание, цель которого оказалась далека от нравственного осмысления происшедшего. В большом зрительном зале один за другим в соответствии с предварительной договоренностью (на подобных ответственных собраниях контингент выступающих неизменен и давно определен начальством) к микрофону подходили люди. Но никакого чувства вины или соричности тому, о чем говорилось в статье, эти люди не испытывали. Они увидели в происшедшем лишь угрозу их лидеру.

Ни слова раскаяния, ни намека на попытку усмириться в собственной непогрешимости. Неужели мы действительно так больны... В зале поднялась все-таки рука «против», но человеку не позволили вымолвить ни слова.

Невольно вспоминаешь другие времена — до разделения театра. Хотя и в малом количестве, но оставалась тогда еще, жива была другая культура, доставшаяся нам по наследству. В ту пору не могло произойти того, о чем со стыдом и скорбью мы говорим сегодня.

Вот пленка с записью собрания:

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

«Пеньков: Статья ужасная. Там, конечно, они нанесли удар по театру, по Дорониной, конечно. Потому что сколько раз уже были попытки уничтожить, так ли, этак ли, и, наконец, самая грязная попытка... преподнести всей стране, всему миру вот такую ложь и дезинформацию. Все передернуто. Но это принцип желтой прессы: побольше грязи. Статья страшная, она побольше желтой прессы. Нас уничтожают. Эта статья написана для того, чтобы нас прикрыть.

тельно клеветническая идея статьи Поляновского направлена на уничтожение личности Дорониной и самого театра, вызывает глубокое возмущение коллектива. Коллектив театра опровергает статью спещора Поляновского и требует поместить опровержение в театре.

Коровкин: У меня было предложение написать письмо и разослать во всю прессу, какая существует в Москве. Потому что наверняка та сволочь, пардон, которая сидит и печатает статеэчки, он просто зарабатывает себе деньги. Надо в «Огонек» послать еще, самый популярный наш журнал, лихой.

Ромадина: Я хочу предложить конкретно. «Известия» — орган Верховного Совета СССР. Вот этот Эд... как там его, автор, господин автор, он выступил от имени всех членов Верховного Совета. Вот давайте и спросим всех членов Верховного Совета, каково их мнение. Все доказательство, а каждый пункт в этой статье разбивается, все это приложить, пусть комиссия разбирается с этими людьми поименно. Всех поименно!

Дорониная: Мы посылали обращение Генсеку, во все газеты, и никто не счит нужным нам ответить. Данную небрежность всех вышестоящих инстанций и

сплошная ложь, в которой нет ни слова правды, и что она может опровергнуть каждую фразу статьи. Однако в своем пространном выступлении она не привела ни единого контраргумента.

Кудрявцева жаловалась, что администрации театра не дают возможности выступить в прессе с ответом на статью. Администрация требует также, чтобы ей дали возможность выступить по телевизору, причем только по первой программе.

Вместо прямого ответа «Известиям» — поиски любых трибун, страниц, эфира; поиски удара в обход — сбоку, сзади. Это и есть война по всему фронту, а если с языка полководцев перевести на гражданский, обыденный, — сведения счетов.

И вот — счастливый случай. Дорониная приглашена на встречу Президента с интеллигенцией. Вот где — трибуна! На виду у всей страны, мира. Может быть, единственный случай...

Для каких целей, каких мыслей и чувств предназначена была эта трибуна в нынешнее тревожное время, когда страна — у последней черты? Да и весь мир, и мир тоже в опасности. Может ли интеллигенция быть надеждой и опорой — вот, видимо, суть встречи.

На трибуне — народная артистка СССР, художественный руководитель и директор одного из главных очагов культуры — МХАТа.

...Что мы имеем в средствах массовой информации? В течение трех лет нас травят и удивляют тому, что мы еще живы. В конце концов, не сумев деморализовать коллектив до такой степени, чтобы он перестал работать, газета «Известия» написала чудовищный, неприличный, безнравственный материал, который построен на лжи, на клевете.

СО ДНЯ публикации минуло более двух месяцев. Несмотря на многочисленные гневные письма читателей и просьбы держать их, читателей, в курсе дальнейших событий, «Известия» не собирались возвращаться к напечатанному. Ибо «преследовать Доронинову» цели не было. Газета высказала мнение, поделила свою позицию, дело Министерства культуры СССР — определить свою.

Теперь, вынужденные отвечать на дискредитацию газеты с высокой трибуны, «Известия» вправе откликнуться и на две колкости, проскочившие за все это время.

«Экран и сцена», еженедельное приложение к газете «Советская культура», за 1 ноября 1990 года. Театральный критик Нина Агишева: «У сцены больше нет тайны. Ее первые актрисы дают интервью бюллетеню «ИнфоСПИД»... На страницах другой газеты идет бесстыдный разговор о подробностях действительной страшной кончины одной артистки и степени вины в этой связи артистки другой. Все в свете всего на свете, похоже, не осталось ничего запретного, а такие панталоны, как такт и целомудрие, надо попросту списать в архив... Что ж, такова реальность. Но нет загадки — нет и любви».

Загадка есть. В том, например, как «такт и целомудрие» автора позволили в одном абзаце, без паузы, соединить рядом бюллетень «Инфо-СПИД» и одинокую смерть одинокой актрисы.

Значит — тайна? Об актерах — нельзя? Их надо просто любить? А о ком можно? О партийных работниках? Врачах? Миллионерах? Колхозниках?

Значит, пусть все вокруг нас останется — пошлость, безнравственность, предательство, главное — не знает об этом и... любить.

Гостем одной из воскресных телепередач «Добрый вечер, Москва!» оказалась актриса МХАТа им. Чехова Ирина Мирошниченко. Она первая и единственная, кто попытался опровергнуть хотя бы один факт статьи. Неправда, сказала она, что из нашего МХАТа не пришли на похороны. Дословно:

— Те, кто был в Москве, — пришли.

Уточню. Пришел один человек.

Но не это в разговоре главное. — И потом зачем обязательно искать виноватых, когда человек умер. Ну, умер...

— Это и не по-христиански даже, — подхватила мысль актрисы ведущий телепередачи писатель Вячеслав Шугаев.

— Конечно, — согласилась актриса.

Странное понятие христианства.

Выйдем за стены театра, за пределы случившегося. Разумеется, христианство — это прощение. Но актриса, а писателю тем более, надо бы помнить, что история самого Христа запечатлена на вечные времена, — и подвиги, и преступное самоустранение, и низкое предательство.

Винových надо знать обязательно для страшного суда. Для того хотя бы, чтобы избежать ных несчастий.

НЕВЫГОДНУЮ я занял позицию. Такое огромное количество писем в поддержку статьи, в защиту нравственной позиции газеты, с замечательными жизненными примерами и фактами.

А я, вместо того чтобы на них опереться, как принято в повторных публикациях, цитирую все то, что против статьи.

Фактов мне достаточно и прежних. А именно оппонентов цитирую потому, что уровень их защиты — яркий пример саморазоблачения, нагляднее любого разоблачения.

«Уважаемые журналисты, корреспонденты, редакторы и главные редакторы!

Обращается к вам большая группа молодых актеров МХАТа им. М. Горького, не заставшая процесс разделения МХАТа и проработавшая в театре весь последующий период, — кто-то четвертый сезон, кто-то третий, а некоторые начинают свой первый год работы.

Мы собрались все вместе вне театра (обращаем ваше внимание на этот факт, чтобы не допустить возможных обвинений в каком-то давлении со стороны администрации театра), мы собрались, чтобы выразить протест против бессовестной, бесчеловечной и, судя по последней статье в «Известиях», мерзкой травле МХАТа им. М. Горького. А если попытаться разглядеть цель всей этой «кампании», то даже невооруженным глазом видно только одно — необузданное стремление растоптать, смешать с любой

грязью, любым способом одного человека — Татьяну Васильевну Доронинову. Некоторые авторы так увлекаются, что забывают про хорошее русское слово, определяющее их поступок, — подлость.

Ни один из вас так и не решился даже попытаться призадуматься: а почему же этот «ненавистный» театр по показателям за соцсоревнование получил переходящее Красное знамя. И только когда вдруг возникнет какой-нибудь конфликт или спор, вы моментально хватаетесь за перо.

Мы требуем от вас только одного — не поливайте театр «помятым». Нельзя же, громко разговаривая о русской культуре и ее кризисе, опускаться до такой грязи, попытаться понять и увидеть то, что делает Т. В. Доронинова. Притом в театр совершенно посторонними людьми, мы за это время стали ее сподвижниками. Хочется верить, что эта гнусная статья в «Известиях» — последняя в наш адрес.

С увлечением молодые актеры театра заочно читают и читают 25 подписей. Фамилии не называю. Ребята молодые, им жить и жить.

Когда никакого официального ответа нет, это писемцо — такая именно форма очень удобна, никого ни к чему не обязывает — молодые гуляют.

Готов был бы поверить в отсутствие давления «со стороны администрации», если бы не хранил пленку с записью того самого собрания в театре.

Председатель профкома театра Гагаев — Коровкину: «Вот, может быть, если ваша комсомольская организация... вас достаточно, уже 25 человек молодых актеров, вы можете взять и конкретно ответить от лица молодежи театра. И оставить это на послезавтра нельзя».

Коровкин: «Конечно».

Тут-то комсомолец Коровкин и сказал о той «сволочи», которая сидит и печатает статеэчки, он просто зарабатывает себе деньги».

Простодушный Коровкин и свою позицию объяснил четко: «Молодые актеры работают в этом театре до 29 спектаклей в месяц. Не я один, нас 10—15. Заработная плата, значит, нас брали на 120 рублей, через год нам — 140, надбавки за занятость, в итоге у нас получается 300 с лишним рублей. Деньги — это за работу... От такой работы может быть только радость».

Комсомолец Коровкин еще многое в жизни не понимает, но уже знает главное — «статеэчки» пишутся только ради денег.

А вот совсем другое письмо, тоже от актеров МХАТа.

«Главному редактору газеты «Известия».

Мы считаем своим долгом откликнуться на публикацию статьи «Последняя».

Спасибо, что вы разрушили зону молчания, окружившую внутреннюю жизнь МХАТа последние лет.

Мы выражаем Вам глубокую благодарность за жесткую правду о трагической кончине народной артистки СССР Анастасии Павловны Георгиевской и о бесчеловечной атмосфере, сложившейся в театре, руководимом народной артисткой СССР Т. В. Дорониной.

Каждый из нас не снимает с себя ответственности за трагические события, связанные с уходом из жизни Анастасии Павловны. Мы подписываемся под каждой опубликованной строкой, мы говорим вслед за Вами: «Господи, не прощай ты нас. Не прощай. Ведь мы уже не люди».

Около сорока подписей. Половина из этих актеров уволена, половина еще работает в театре.

Вернемся к высокой трибуне, на которую взошла Т. Доронинова. Покончив с «Известиями», Татьяна Васильевна повела решительное наступление на всю печать разом:

— Почему идет посеместная информация, на радио, телевидении? Почему меня все время убеждают в том, что я ненавижу ближнего, что я являюсь

делом, что для меня важны какие-то национальные вопросы? Кто определяет культурную политику и кто дает задание средствам массовой информации? В самом деле — как могло случиться, что о других не говорят, а о ней, Татьяне Васильевне, говорят?

Из письма Л. Стриженовой: «Мы почему-то забыли, не помним, как театр провозжал в последний путь засл. арт. РСФСР М. Е. Медведева, отдавшего МХАТу жизнь, и для которого руководство расценилось на автобус и свое предствительство в лице зам. директора, начальника АХО и уборщицы в убогой комнатке боткинского морга. За исключением небольшой группы актеров, где были мы, остальные? Почему же мы не помним, что нар. арт. РСФСР Ю. М. Леонидов, два года после разделения проработавший в нашем театре, так и ушел из жизни, не сыграв ни одной роли, несмотря на то, что подал 6 заявок? Совсем недавно умер забытый всеми засл. арт. РСФСР, нар. арт. Литовской ССР Л. В. Иванов. А в какой атмосфере провозжали мы в последний путь актрису К. Н. Игнатову? Неужели все так быстро забывается?

В полном забвении сегодня находятся многие старейшие работники театра. Что может быть несправедливее этого? Актера театра Ю. В. Ларионова в день рождения вызвали в профком, возглавляемый нар. арт. РСФСР Гагаевым, и «в подарок» объявили распоряжение о переводе его на пенсию. Как можно было два года назад уволить за убеждения артиста А. Б. Голикова на следующий же день после похорон отца? Как относиться к призыву только год проработавшего нар. арт. РСФСР Горобца «давить» и «расстреливать» актеров «опозиции»?

Что касается «каких-то национальных вопросов», прочитую письмо — без купюр и изъятий.

«Москва, МХАТ на Тверской, Народной актрисе СССР Татьяне Дорониной.

Копия: Москва, пл. Пушкина, «Известия», Главному Швондеру.

Дорогая наша народная артистка и мужественная, честная, достойная звания одной из лучших женщин России! Только что прочитал в «Известиях» очередную пискливую против Вас. Грязная, натасканная, недостойная статья. Без единого факта против Вас. Это — верх всякого халатства. Это — очередное проявление Швондеров-сионистов. Они взяли давно на вооружение огульно чернить русских замечательных представителей нашей культуры. «Известия» же давно кишма киш Швондерами. Это — сионистская мафия давно угнездилась в этой газете... Ложь, клевета, захватывание друг друга — вот их методы «работы».

Мой Вам совет: подайте на суд на это газетенку, выведите этих Швондеров на чистую воду. А мы Вас поддержим.

А главное, держитесь, мужайте. Знайте, эти гады на все способны, они не постоют ни перед кем. У них ни одна Родина, а у нас одна. Так постоим же за Родину, за наш русский народ.

Счастья Вам и успехов в работе и общественной деятельности. А главное сил и мужества в борьбе.

Леонид ЕЛИСТРАТОВ, заслуженный работник культуры РСФСР, г. Нижний Новгород.

Актриса за своих поклонников не отвечает, могут мне сказать. Так-то оно так. Но уж больно письмо это по тону и смыслу выступления сходится с выступлениями на собраниях в театре.

«Пеньков: «Пресса давно уже свирепствует. Пресса, по словам Шифаревича, стала уже 6-й монархией. Называя ее как хочешь — желтая, в клеточку, демократическая. Дорониная держит высоко знамя и старого Художественного театра, и русского театра — вот тут собака зарыта! Уничтожить русский театр!»

Тихомиров: «Тут идет широкомасштабная и направленная борьба за уничтожение. Если вы внимательно посмотрите список театров в Москве, то вы заметите, что театр имени Горького по направлению и по содержанию является чисто русским театром. Есть, наверное, два органа, в которые мы можем обратиться, — это газета «Литературная Россия» и газета «Правда». И «наш современный».

Габриэлян: «Я разговаривал с Поляновским...» Тут молодой актер по слогам, по буквам талантливо спародировал имя и отчество, чем вызвал дружный смех в зале. «Вот так он полностью звучит. Когда он спрашивал меня об Анастасии Павловне, я говорил, что огромным уважением пользуется коллектив народной артистка СССР и художественного руководства театра и лично уважения Татьяна Васильевна. Рассказывал об опекуестве, как к ней относятся коллектив. То в лице меня-таки товарищ этот, его и товарищем-то назвать нельзя. Он меня просто в лицо...»

В заключение выступающий снова талантливо спародировал имя и отчество, зал снова смеялся и аплодировал.

Это правда, мы встречались с Габриэляном. Мне он важен был как человек, заставший Анастасию Павловну в комнате мертвой. Он рассказал мне, как Власов потерял сознание и его унесли в другую комнату, рассказал и показал, как врач-молодая женщина в резиновых перчатках осматривала тело и отворачивала лицо.

Разговор был очень полезный, мы хорошо простились.

Русский театр... Русский художественный руководитель-директор... Что же не вспомнил никто, что брошенная ими актриса с лицом, искусным обезумевшей и голодной собакой, настолько обезображенная, что хоронить останки можно было лишь в закрытом цинковом гробу, что она тоже была — русская. Великая русская актриса.

Я ВИДИМО, сильно разочарую и заслуженного работника культуры РСФСР из Нижнего Новгорода, и молодого артиста Габриэляна.

Русский я. Славянин и по крови, и по духу. Самый что ни на есть кондовый. И Россию люблю — от гармонии до куполов, от травы до звезд.

Русский. Однако особой гордости не испытываю, поскольку заслуги моей нет в том, кем родился. И окажись я чукчей или якутом, униженности бы не испытывал и в обиду бы не дал ни себя, ни свой народ.

Русский. Но фельдфебелем по отношению к другим народам никогда не был.

Такие дела.

ЕЩЕ одно читательское письмо «за».

Елена Онуфриевна Турган, Москва:

«Последняя» — памятник Анастасии Павловне, другого ей все равно не поставят.

Так случилось, что я познакомилась с Георгиевской несколько лет назад. Мне даже не верилось, что я говорю с той самой актрисой, которая играла Наташу в «Трех сестрах». Она очень трогательно относилась ко мне и была благодарна за любое проявление внимания. Я очень ее ждала. Георгиевская много рассказывала о своей судьбе. Была беспризорницей, в детстве приходилось пить, жила в трубах, ходила в мальчишеском костюме, чтобы не изнасиловали свои. А потом — МХАТ, Станиславский!.. А потом — Ефремов, Дорониная... Она снова оказалась в трубе, беспризорницей.

Как страдала без работы Анастасия Павловна!.. Вы шесте, что так, как Георгиевская, не умрала ни одна крепостная актриса. Но я бы добавила, что так и не жили крепостные актеры. У них были месячные, их искусство ценили. А что имеет наш актер? Кому нужен театр, якобы «несущий радость народу», если часть этого народа давят ногами в театре. Поэтому и нет света в наших театрах.

Я всегда боялась, что Георгиевская умрет в одиночестве, но что она умрет так, не могла представить.

Спасибо за добрые слова о старом МХАТе, о Янине, Андреевской и др. Мы преклонялись перед ними за необычайно светлый талант, за ту радость, которую они несли людям. Мне этот свет был виден и в годы войны, и после. И всю жизнь я помню их голоса и лица.

И счастлива, что знала Георгиевскую».

Закончим письмо актрисы, которую уже цитировали:

«Привилегия получили те, кто наступил на горло своей совести, закрыв глаза на беззакония и несправедливости и щедро одариваемые с барского стола, а вернее, из кармана госдотации, беззастенчиво голделись за своей «хозяйки», так величают в театре директора — художественного руководителя. Я не осуждаю этих людей, они выбрали свой путь, Бог им судья. Жизненный опыт подсказал им выбор. Хотелось бы, наверное, и им, чтобы на свете торжествовала справедливость, но у них жизнь одна, и некогда, да и ни к чему стремиться к благодеянию ближнего, тем более что грядет договорная система, при которой никто не будет защищен от произвола назначенных министерством лидеров.

Сегодня страх за свое материальное будущее заставляет их защищать и оправдывать выбранные позиции. Но невольно задумываешься с этим жерновом, порождемом разделением театра, переделом уже не один десяток человеческих жизней и судеб. Чего ради и для чего? Породил ли за 3 года это «эксперимент» хоть один шедевр в двух разобоченных МХАТах? Да и не слишком ли высока цена за ожидание шедевра?

А может быть, действительно мы не правы, и надо замолчать? Ведь тогда, наверное, все успокоится, за покорность можно будет получить работу, за поддержку руководства — добавку к зарплате, и гремиче дадут, а там и следующее почетное звание! Заманчивые перспективы!

Но одно не дает покоя: «Куда девать совесть?»

Актриса МХАТа СССР им. Горького, заслуженная артистка РСФСР **Любовь СТРИЖЕНОВА**.

РАЗГОВОР о совести, милосердии, нравственности затянусь. Дотошному читателю все же важно знать: правда ли все то, что было опубликовано в очерке «Последняя», или, как утверждает Т. Дорониная, — «ложь» и «клевета».

Мы говорим — правда. И готовы в любое время держать ответ перед судом.

Известия - 1990 - 7 дек. - в. 3.

БЕЗ ГРИМА

Эд. ПОЛЯНСКИЙ, спец. корр. «Известий»

печатных органов считать не только неуважением к театру, но неуважением к народу. Кто согласен, прошу поднять руки. Кто против? Голиков. Остальные согласны. Единогласно. Почему в течение трех лет не было оказано никакого внимания газетой «Известия» к таланту и искусству Георгиевской. Прошу поднять руки. Единогласно. Следующее. Для того чтобы выйти на другую прессу, необходимо опровергнуть все... Коллектив заявляет, что все, что написано в статье под названием «Последняя», является ложью. Кто против? Кто воздержался? Против один Голиков, и это естественно».

Об уровне, тсне выступления пусть читатель судит сам. Меня волнует другое. Суть. О трагедии Анастасии Павловны, ее заброшенности и гибели ни слова, ни полслова.

Ее предали второй раз.

В ход пошел знакомый, видимо, излюбленный жанр. Донес — не грубо ли? Пусть опять же судят сами читатели.

В самое трудное для Георгиевской время за ней ухаживал Д. Власов, как и многие, он вынужден был уйти из театра. Теперь, вслед ему, на новое место работы пол